

УДК 347.5:340.5

ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ УКРАИНЫ И США

Юлия БОРИСОВА,

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

АННОТАЦИЯ

В статье изучаются доктринальные и прикладные аспекты проблематики, связанной с квалификацией поведения причинителя вреда в качестве противоправного в гражданском праве Украины и США. Обращается внимание на то, что доктринальные подходы к определению противоправности как условия деликтной ответственности в указанных странах имеют определенные особенности, обусловленные, прежде всего, отличиями подходов к правовому регулированию деликтных отношений в Украине и США.

Вместе с тем отмечается, что в США отдельные виды противоправного поведения, которое может причинить вред, определяются в специальных законах. Однако, как правило, эти правонарушения не определяются как «деликты».

Ключевые слова: противоправное поведение, теории противоправности поведения, деликт, деликтная ответственность, условия деликтной ответственности.

ILLEGAL BEHAVIOUR AS A CONDITION OF TORT LIABILITY IN THE CIVIL LAW OF UKRAINE AND THE USA

Yulia BORISOVA,

Graduate Student at the Department of Civil-law Disciplines
of the Odessa I.I. Mechnikov National University

SUMMARY

In the article doctrinal and applied aspects of the problems connected with qualification of behavior of the injurer as illegal in the civil law of Ukraine and the USA are studied. It is paid the attention that doctrinal approaches to determination of illegality as a condition of tort liability, in the defined countries has the certain features that caused, first of all, by differences of approaches to legal regulation of the tort relations in Ukraine and the USA.

At the same time, it is noted that in the USA separate types of illegal behavior which cause harm, are defined in special acts. However, as a rule, these offenses are not defined as "torts".

Key words: illegal behavior, theories of illegality of behavior, tort, tort liability, conditions of tort liability.

REZUMAT

În această lucrare vom studia aspectele doctrinare și practice ale problemelor legate de comportamentul calificat drept ilicit în dreptul civil al Ucrainei și SUA. Se atrage atenția asupra faptului că abordările doctrinare ale definiției de nelegalitate, ca o condiție a răspunderii civile delictuale în aceste țări au anumite caracteristici, ca urmare, mai presus de toate, diferențele de abordare a reglementării juridice a raporturilor delictuale în Ucraina și SUA.

În același timp, se remarcă faptul că în Statele Unite anumite tipuri de comportamente ilegale care pot provoca vătămări sunt definite în legi speciale. Cu toate acestea, de regulă, aceste infracțiuni nu sunt definite drept "delicte".

Cuvinte cheie: comportament ilegal, teorii de comportament ilicit, delict, răspundere delictuală, condiții de răspundere delictuală.

Постановка проблемы. В современных условиях особое значение приобретают сравнительно-правовые исследования, предметом которых являются проблемы защиты гражданских прав и ответственности за их нарушение. Среди таких исследований важное место занимают работы, посвященные деликтному праву зарубежных стран, в которых давно разработаны и до сих пор эффективно функционируют правовые механизмы защиты прав потерпевших.

Для науки гражданского права Украины (в условиях экономического кризиса и социальной нестабильности, которые в настоящее время имеют место в нашей стране) не только теоретический, но и практический интерес представляет исследование условий деликтной ответственности в Соединенных Штатах Америки (США) как государстве с развитой экономикой.

Состояние исследования. В юридической литературе проблемы квали-

фикации противоправного поведения участников гражданских правоотношений исследовались такими учеными, как: М.М. Агарков, У. Бернам, И.С. Канзафарова, Г.К. Матвеев, Ю.Г. Матвеев, К. Осаке, О.А. Отраднова и др. Несмотря на это, многие вопросы правового регулирования соответствующих общественных отношений не утратили своей актуальности.

Целью и задачей статьи является определение особенностей доктри-

нальных подходов к квалификации поведения причинителя вреда в качестве противоправного, а также изучение отдельных прикладных аспектов проблематики, связанной с квалификацией поведения причинителя вреда в качестве противоправного, в гражданском праве Украины и США.

Философско-мировоззренческой основой исследования является материалистическая диалектика. Основные методы исследования – формально-логический и сравнительно-правовой.

Изложение основного материала.

Норма статьи 1166 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) устанавливает, что имущественный вред, причиненный неправомерными решениями, действиями либо бездействием личным неимущественным правам физического или юридического лица, а также вред, причиненный имуществу физического или юридического лица, возмещается в полном объеме лицом, причинившим его. Из чего вытекает, что обязательным условием возмещения имущественного вреда является неправомерность поведения причинителя имущественного вреда.

Как видим, законодатель в ст. 1166 ГК Украины использует термин «неправомерность», хотя известно, что в гражданском праве, как и в праве вообще, используется и другой термин – «противоправность».

Относительно соотношения указанных терминов и возможности их использования в качестве взаимозаменяемых в юридической литературе было высказано две точки зрения: 1) такое использование является неверным; 2) указанные термины можно использовать в качестве взаимозаменяемых.

Первой точки зрения придерживается, например, Д.И. Мындра, который считает, что поскольку противоправным поведением являются только те действия, которые нарушают предписания норм, имеющих обязывающий или запрещающий характер, то категория «неправомерные действия» не исчерпывается действиями противоправными. Ее содержание включает в себя еще один вид явлений, которые не вполне соответствуют нормам права, но и не противоречат их обязательным предписаниям [5, с. 416–417].

Сторонники второй позиции считают, что поскольку указанные термины

используются для определения одного и того же явления, с юридической точки зрения их взаимная замена допустима [3, с. 223].

Так, например, И.С. Канзафарова, уточняя последнее утверждение Д.И. Мындры, отмечает, что «относительно сферы гражданско-правового регулирования в данном случае имеются в виду те случаи, когда субъекты осуществляют выбор определенных вариантов поведения в рамках диспозитивных норм, а также те случаи, когда в соответствии с ч. 1 ст. 11 ГК Украины гражданские права и обязанности возникают из действий, которые не предусмотрены актами гражданского законодательства, но по аналогии порождают правовые последствия» [3, с. 222]. По ее мнению, «когда субъект осуществляет выбор незапрещенных вариантов поведения, он действует правомерно, поскольку диспозитивные нормы гражданского права допускают регулирование отношений соглашением сторон и устанавливают правило лишь на случай отсутствия соответствующего соглашения. Нарушение прав и обязанностей, согласованных сторонами, в указанном случае будет противоправным. В том же случае, когда между физическими и (или) юридическими лицами возникают гражданские правоотношения, которые вообще не урегулированы актами гражданского законодательства, определение их правомерности зависит от их соответствия общим принципам гражданского законодательства. Относительно же использования терминов «противоправное поведение» и «неправомерное поведение» в качестве взаимозаменяемых, И.С. Канзафарова считает, что поскольку они по сути применяются для определения одного и того же явления, с юридической точки зрения такое использование допустимо [3, с. 222–223].

В отечественной цивилистической литературе, как правило, различают две основные концепции противоправности поведения как условия деликтной ответственности: объективную (или нормативистскую) и объективно-субъективную.

Согласно первой концепции, под противоправным поведением понимается исключительно такое поведение, которое нарушает объективные нормы

права, но именно такие нормы, которые направлены на охрану определенного интереса потерпевшего. В соответствии со второй концепцией, противоправным считается поведение, нарушающее субъективные гражданские права в результате нарушения лицом объективных норм права (предписаний законодательства).

О.А. Отраднова, раскрывая сущность объективно-субъективной концепции, верно отмечает, что для определения противоправности необходимо наличие двух равнозначных критериев. Прежде всего, обязательным является нарушение субъективного права лица, то есть фактическое нарушение его имущественных или личных неимущественных интересов. При этом в деликтных правоотношениях, по общему правилу, идет речь о нарушении не любого, а абсолютного субъективного права (имущественного либо неимущественного). И только в случаях, прямо предусмотренных законом, по нормам главы 82 ГК Украины возмещается также вред, причиненный нарушением обязательства, составляющего содержание гражданско-правового договора, например, возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ, услуг (§ 3 главы 82); ответственность перевозчика по договору перевозки за вред, причиненный увечьем, иным повреждением здоровья либо смертью пассажира (ст. 928) и т.п. Другим критерием противоправности, согласно вышеуказанной теории, является нарушение норм права или тех объективных правил поведения, которые закреплены в нормах права [7, с. 70–72].

Однако следует учитывать, что в деликтных правоотношениях противоправность в объективном понимании (как нарушение нормы права) не является обязательным условием деликтной ответственности. А само по себе нарушение норм объективного права не будет иметь значения для гражданского права, если при этом не были нарушены субъективные неимущественные или имущественные права лица. И наоборот, в случае причинения лицу вреда причинитель обязан его возместить, даже если не нарушил нормы объективного права (кроме случаев, когда лицо, причинившее вред, было уполномочено на такое причинение) [7, с. 72–73].

На наш взгляд, вышеуказанное утверждение в целом согласуется и с положениями деликтного права США, согласно которым нет и не может быть деликта без внешнего проявления волевого поведения причинителя вреда в форме действия или бездействия.

В свою очередь, последнее положение в целом согласуется с положениями деликтного права Украины, согласно которым противоправное поведение может выражаться в форме действия или бездействия, при этом важно уточнить, что бездействие будет квалифицироваться как противоправное поведение, если лицо могло и должно было действовать.

Кроме того, в деликтном праве США признаком деликта является «противоправность вредопричиняющего (вредоносного) поведения» причинителя вреда. Как верно отмечает К. Осаке, этот признак соединяет в себе два признака: противоправность и вредоносность поведения. Противоправность означает, что поведение посягает на охраняемый законом интерес другого лица, вредоносность означает, что данное поведение причиняет вред другому лицу. Однако поведение может быть противоправным, но не вредоносным. Из этого следует, что противоправное поведение, в зависимости от его результата, подразделяется на вредоносное и не вредоносное. В свою очередь, не вредоносное противоправное поведение подразделяется на полезное и незначимое. Безвредное противоправное поведение не является основанием для деликта. Лишь поведение, которое объединяет противоправность и вредоносность, представляет собой признак деликта. Иными словами, как указывает К. Осаке, признаком деликта является «противоправно-вредоносное посягательство на охраняемый законом интерес другого лица» [6, с. 139].

В англо-американском деликтном праве существуют две теории относительно критериев признания действий противоправными: «эволюционная» и «традиционная». В соответствии с первой из них деликтом признается любой вред, причиненный лицу, если его причинение не санкционировано законом либо не возникло из другого основания. Согласно второй теории, существует определенное количество

внедоговорных правонарушений, вне которых деликтная ответственность исключается [4, с. 37].

Согласно первой теории, институт деликтной ответственности, хотя и состоит из отдельных обособленных деликтов, имеющих конкретное название, включает широкий принцип, исходя из которого, любой несанкционированный вред является деликтом. То есть противоправность причинения вреда определяется лишь через признак отсутствия разрешения закона или договора на это, и потерпевший может предъявить иск из деликта [1, с. 510–511].

По традиционной теории вред, наоборот, может быть причинен какому-либо лицу без угрозы возникновения деликтной ответственности, пока он не попадет под действие определенной формы иска: угроза физическим насилием (assault), насилие (battery), устная клевета (slander) [4, с. 36–37]. Это означает, что деликтом должны признаваться только те правонарушения, которые предусмотрены законом. В юридической литературе отмечается, что в таких подходах усматриваются идеи римских юристов, которые установили исключительный перечень деликтов, за пределами которого вред возмещался по иску о причинении вреда, а не по иску из деликта [1, с. 510].

По мнению С.Д. Гринько, практическое значение существования эволюционной теории противоправности причинения вреда ее сторонники усматривали в том, что суды постоянно расширяют сферу деликтного права. Однако это возможно только в случае существования общего принципа, согласно которому любое несанкционированное законом причинение вреда является противоправным деянием [1, с. 510].

В юридической литературе верность применения традиционной теории обосновывалась тем, что в английском (как и в американском) праве существуют лишь отдельные виды правонарушений, но нет общего признака для определения гражданского правонарушения [4, с. 38].

В частности, Эд. Дженкс отмечал, что в сфере гражданских правонарушений действует метод перечня, поскольку нет общей доктрины о гражданском правонарушении, в от-

личие от договорного права [2, с. 349; 9, с. 78–86]. Кроме того, в отдельных случаях нет единого принципа, на основании которого можно было бы разграничивать действия-правонарушения и те, которые таковыми не являются [2, с. 349; 9, с. 78–76].

На наш взгляд, аргументы сторонников традиционной теории выглядят вполне убедительными. Тем более, что в юридической литературе давно обращается внимание на то, что в странах общего права, как уже отмечалось, развитие обязательств в связи с причинением вреда пошло по пути обособления отдельных видов деликтов, как и в римском праве. Кроме того, важным является и то, что в отличие от стран континентальной Европы, где все усилия юридической науки были направлены на поиски единых критериев и устранение исторически сложившихся различий в отдельных деликтах, общее право вплоть до сегодняшнего дня продолжает сохранять приверженность разным группам и отдельным типам деликтов, которые развивались под влиянием судебных приказов. Поэтому все деликты, как правило, должны соответствовать определенным требованиям [10, с. 349].

По мнению некоторых представителей англо-американской доктрины, в пользу традиционной теории свидетельствует также то, что лицо должно иметь возможность предусматривать все правовые последствия своего действия и таким образом защищаться от новых названий деликтов. В отличие от этого, эволюционная теория часто возлагала бремя доказывания правомерности действия на правонарушителя, а не на потерпевшего, что противоречило основному принципу распределения бремени доказывания в англо-американском праве [4, с. 39].

С.Д. Гринько, ссылаясь на мнение Ю.Г. Матвеева, обращает внимание на то, что основные положения эволюционной теории являются наиболее признанными. Вместе с тем, процесс сближения прецедентного права с системой генерального деликта происходит в США более интенсивно, чем в Англии, поэтому судебная практика требует новых видов источников причинения вреда, которые не охватываются традиционными исками. Кроме того, она поддерживает вывод Ю.Г. Матвеева

о том, что на англо-американскую доктрину деликтного права оказало влияние право континентальной Европы, а также международное частное право [1, с. 511].

На наш взгляд, не отрицая наличия определенного влияния континентального и международного частного права на англо-американскую доктрину деликтного права, все же это влияние не стоит переоценивать. Поскольку деликтное право США (в силу своей специфики, обусловленной, прежде всего, тем, что оно по большей части является общим правом, а также тем, что оно закрепляется, прежде всего, на уровне штатов) развивается по своим внутренним законам и, несмотря на кажущееся (относительное) единообразие, оно лишено единого принципа, который мог бы служить в качестве объединяющей его основы. А если это так, то довольно сложно представить, каким образом можно повлиять на деликтное право США в целом, как на единую систему.

Даже если учесть то, что на протяжении нескольких десятилетий «Конгресс США и законодательные органы штатов принимают законы, закрепляющие новые виды «деликтов» и предоставляющие право предъявления исков на основе этих норм, такое законодательство не смогло поколебать традиционные подходы англо-американского права к регулированию деликтных отношений. Тем более, что в самих этих законах правонарушения не называются «деликтами».

Выводы. Доктринальные подходы к определению противоправности как условия деликтной ответственности в изучаемых странах имеют определенные особенности, обусловленные, прежде всего, отличиями подходов к правовому регулированию деликтных отношений в Украине и США.

В отечественной цивилистической литературе, как правило, различают две основные концепции противоправности поведения как условия деликтной ответственности: объективную (или нормативистскую) и объектив-

но-субъективную. Согласно первой из них, под противоправным поведением понимается исключительно такое поведение, которое нарушает объективные нормы права, направленные на охрану определенного интереса потерпевшего. В соответствии со второй концепцией, противоправным считается поведение, нарушающее субъективные гражданские права в результате нарушения лицом объективных норм права (предписаний законодательства).

В англо-американском деликтном праве существуют две теории относительно критериев признания действий противоправными: «эволюционная» и «традиционная». Согласно первой из них институт деликтной ответственности, хотя и состоит из отдельных обособленных деликтов, имеющих конкретное название, включает широкий принцип, исходя из которого, любой несанкционированный вред является деликтом. Согласно второй теории вред, наоборот, может быть причинен какому-либо лицу без угрозы возникновения деликтной ответственности, пока он не попадет под действие определенной формы иска.

Вместе с тем в США отдельные виды противоправного поведения, которое может причинить вред, определяются в специальных законах. Однако, как правило, эти правонарушения не определяются как «деликты».

Список использованной литературы:

1. Гринько С.Д. Деліктні зобов'язання римського приватного права: поняття, система, рецепція: монографія; за наук. ред. Є.О. Харитонова. Хмельницький : Хмельницький університет управління та права, 2012. 724 с.
2. Дженкс Эд. Английское право: источники права, судостроительство, уголовное право, гражданское право; пер. с англ. М.: Юриздат, 1947. 378 с.
3. Канзафарова І.С. Теоретичні основи цивільно-правової відповідальності в Україні: дис. ... на здоб. наук. ступеня докт. юрид. наук: спец.

12.00.03 «Цивільне право і цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право». К.: ІДП НАНУ, 2007. 453 с.

4. Матвеев Ю.Г. Англо-американское право. М.: Юрид. лит., 1973. 176 с.

5. Мындра Д.И. Недействительность сделки и неправомерность действия (недействительность сделок с точки зрения классификации юридических фактов). Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2. М.: Статут, Екатеринбург: Институт частного права, 2002. С. 416–417.

6. Осаке К. Моральный вред в англо-американском праве: понятие, классификация и компенсация. Ежегодник сравнительного права. 2011. под ред. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2011. С. 133–186.

7. Отраднова О.О. Недоговірні зобов'язання в цивільному праві України: навч. посіб. К.: Юрінком Інтер, 2009. 240 с.

8. Правовая система США. 3-й выпуск. М.: Новая юстиция, 2007. 1216 с.

9. Халфина Р.О. Договор в английском гражданском праве; отв. ред. П.Е. Орловский. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 319 с.

10. Гражданское и торговое право зарубежных государств: в 2-х т.: учебник / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 2008. Т. 2. 640 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Юлия Евгеньевна – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Одесского национального университета имени И.И. Мечникова;

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Borisova Yuliya Evgenyevna – Graduate Student at the Department of the Civil-law Disciplines of Odessa I.I. Mechnikov National University;

uboris944@ukr.net

УДК 343.12

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЛИЦА ПО ОКАЗАНИЮ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Владислав ВЛАСЮК,
соискатель
Национальной академии прокуратуры Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проведено сравнительно-правовое исследование преступлений, посягающих на обеспечение охраны деятельности защитника или представителя лица по оказанию правовой помощи. Акцентируется внимание на положениях больше 30-ти уголовных кодексов иностранных государств в части установления уголовной ответственности за посягательство на профессиональную деятельность защитника и представителя лица по оказанию правовой помощи. Сделан вывод о состоянии украинского уголовно-правового закона касательно правовой охраны деятельности защитника и представителя лица по оказанию правовой помощи.

Ключевые слова: защитник, представитель лица, правовая помощь, правовая охрана, профессиональная деятельность.

CRIMES ENCROACHING ON THE PROTECTION OF THE ACTIVITIES OF A LAWYER OR REPRESENTATIVE OF A PERSON FOR LEGAL ASSISTANCE: COMPARATIVE LEGAL ASPECTS

Vladislav VLASYUK,
Applicant of the National Academy of Public Prosecutor of Ukraine

SUMMARY

The article deals with the comparative legal study of crimes encroaching on the protection of the activities of a lawyer or representative of a person for legal assistance. The article focuses on the provisions of more than 30 criminal codes of foreign states regarding criminal liability for encroachments on the professional activities of a lawyer or representative of a person for legal assistance. A conclusion is drawn about the state of the Ukrainian criminal law regarding the legal protection of the activities of a lawyer or the representative of a person for legal assistance.

Key words: lawyer, representative of a person, legal assistance, legal protection, professional activity.

REZUMAT

În articol, este efectuat un studiu juridic comparativ al infracțiunilor care încalcă protecția activităților apărătorului sau reprezentantului persoanei care acordă asistență juridică. Atenția se concentrează asupra prevederilor a peste 30 de coduri penale ale statelor străine în ceea ce privește stabilirea răspunderii penale pentru atacurile asupra activităților profesionale ale apărătorului și reprezentantului persoanei care acordă asistență juridică. Sa ajuns la o concluzie privind starea legii penale ucrainene privind protecția juridică a activităților apărătorului și reprezentantului persoanei care acordă asistență juridică.

Cuvinte cheie: apărător, reprezentant al persoanei, asistență juridică, protecție juridică, activitate profesională.

Постановка проблемы. Раскрытие особенностей уголовно-правовой охраны деятельности защитника или представителя лица по оказанию правовой помощи невозможно без применения сравнительно-правового метода исследования. Речь идет о том, что преступления, указанные в статьях 397–400 Уголовного кодекса Украины (далее – УК), подобны тем, которые получили свое законодательное оформление в зарубежных кодексах.

Цель и задачи статьи заключаются в проведении комплексного сравни-

тельного теоретико-правового исследования нормативного закрепления уголовной ответственности за преступления, посягающие на обеспечение охраны деятельности защитника или представителя лица по оказанию правовой помощи в Украине и за рубежом.

Состояние исследования. Состояние исследования заявленной проблематики характеризуется отсутствием системного анализа группы преступлений, посягающих на обеспечение охраны деятельности защитника или представителя лица по оказанию правовой помощи.

Изложение основного материала. Для характеристики особенностей уголовно-правового обеспечения охраны деятельности защитника или представителя лица по оказанию правовой помощи в зарубежных странах были проанализированы и систематизированы нормы уголовных кодексов 31-го государства, среди которых: Республика Австрия, Республика Азербайджан, Аргентина, Королевство Бельгия, Республика Беларусь, Республика Болгария, Республика Армения, Грузия, Королевство Дания, Эстонская Республика,